

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РАССКАЗАХ И.БУНИНА

Н.П.Лебеденко

*(доктор филологических наук, профессор, Измайльский государственный гуманитарный университет)**Стаття присвячена виявленню функцій елементів пратексту в метатексті і типів взаємодії текстів в оповіданнях І.Буніна.**The article reveals functions of a proto-text elements and interaction of different text types in I.Bunin's prose.*

В последние десятилетия проблема интертекстуальных связей в литературе исследуется многими выдающимися учеными мира, только одно перечисление имен которых – Ю.Кристева, Р.Барт, Ж.Деррида, А.Жолковский, Р.Тименчик, Ю.Лотман, У.Эко и мн. др., – позволяет судить о значимости вопроса.

Ю.М.Лотман в работе «Культура и взрыв (1992), рассматривая текст как включение в перманентный процесс смыслообмена с широкой культурной средой, определяет характер межтекстовых отношений следующим образом: «Текст в тексте – это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. Переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже составляет в этом случае основу генерирования смысла», – и далее: «...текст приобретает черты повышенной условности» (1,110-111). Развивая эту мысль ученого, современные исследователи говорят уже не только о «процессе смыслообмена текста с культурной средой, но о процессуальности конституирования смысла как его движения в культурной среде – сквозь тексты, каждый из которых представляет собой конкретную семантическую конфигурацию многих смысловых потоков» (2, 335).

Опираясь на классификацию типов взаимодействия текстов Ж.Женетта, предложенную в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982), сформулируем цель данного исследования, которая определяется выявлением функций элементов пратекста в метатексте и типов взаимодействия текстов в рассказе. Это позволит определить не только и не столько факты заимствования И.Буниным текстовых фрагментов из произведения И.Ж.Демольера, сколько постичь содержание функционально-стилистического кода, репрезентирующего стоящую за ним культурную традицию.

Впервые рассказ И.Бунина «Грамматика любви» был опубликован в книге «Клич» (1915) под редакцией И.Бунина, В.Вересаева, Н.Телешова, изданной в помощь жертвам войны. Впоследствии писатель всегда включал это произведение в состав своих сборников, о чем свидетельствует и последнее прижизненное издание избранных сочинений «Митина любовь», вышедшее в Париже в 1953 году.

И до «Грамматики любви», например, в «Суходоле» (1912), в рассказе «Братья» (1914)», и после – в «Деле корнета Елагина» (1927), «Солнечном ударе» (1927), в цикле «Темные аллеи» (1943-1946) любовь изображалась Буниным как «трагическое, роковое чувство, которое неожиданно, подобно удару, обрушивается на человека, захватывая его целиком, не оставляя места ни для чего другого» (3,16). Однако именно в этом рассказе писателю удалось создать удивительно многомерную картину любви-мироздания, которая открыла «возможность реактуализации в культурном восприятии смыслов, чья ценность была девальвирована, а исходные коннотации – утрачены» (2, 335).

Свое название рассказ получил благодаря старинной книге Moleri «Code de l'amour» (1829), переведенной и изданной в России в 1831 году под названием «Грамматика любви, или Искусство любить и быть взаимно любимым». Правда, по свидетельству А.Блюма, проследившего всю историю появления перед русским читателем этой книги, ее подлинным автором является драматург и прозаик Ипполит Жюль Демольер (1802-1877), который избрал псевдоним «Мольри», «дабы не омрачать тень великого комика» (3, 16). Русские же издатели, считает А.Блум, воспользовались созвучием двух имен – Мольри и Мольер – и выпустили книгу с указанием, что она сочинена «г. Мольером».

И.Бунин так вспоминал о возникновении замысла произведения в очерке «Происхождение моих рассказов»: «Мой племянник Коля Пушешников, большой любитель книг, редких особенно..., добыл где-то и подарил мне маленькую книжечку под заглавием «Грамматика любви». Прочитав ее, я вспомнил что-то смутное, что слышал еще в ранней юности от моего отца о каком-то бедном помещике из числа наших соседей, помешавшемся на любви к одной из своих крепостных, и вскоре выдумал и написал рассказ с заглавием этой книжечки (от лица какого-то Ивлева, фамилию которого я произвел от начальных букв своего имени в моей обычной литературной подписи) (4, 369).

Название, как правило, является закодированной программой художественного произведения и

одновременно ключом к его пониманию. «В своих внешних проявлениях заглавие предстает как метатекст по отношению к тексту, во внутренних – как его представитель и заместитель» (5, 138). Смысл названия рассказа И.Бунина – «Грамматика любви», – полисемантический. Название ориентировано на разные уровни взаимодействия текстов: здесь и интертекстуальность (соприсутствие в одном тексте двух и более различных текстов – рассказ Бунина и руководство Демольера), и паратекстуальность, выражающая отношение текста к своей части (заглавию), о чем речь пойдет ниже, и метатекстуальность, включающая соотношение текста со своими предтекстами. Наконец, архитектурность, знаменующая жанровые связи текстов (6), поскольку в произведении Бунина речь идет о книге с названием, подобным названию самого рассказа, но в другом жанре и с совершенно другим назначением – быть практическим руководством по «искусству любить и быть любимым».

У В.Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» читаем: «Грамматика – наука, знание правильно говорить и писать; сборник правил языка, установленных обычаем и в порядке изложенных» (7, 390). Восприятие названия рассказа И.Бунина – «Грамматика любви» – (еще до прочтения текста) формирует в сознании семантическое поле, – «сборник правил о языке в порядке изложенных», – которое ориентирует читателя на постижение элементарных и обязательно дидактически упорядоченных правил в той области, которая изначально не может быть введена в какие-то рамки – в области любви.

Основная оппозиция, заявленная уже в названии, «грамматика (свод правил)/любовь», положенная в основу лингвистической, интертекстуальной и философской референции, способствует формированию ассоциативных связей, актуализирующих целый ряд культурных кодов (атмосфера галантно-сентиментальной любви XVIII и начала XIX столетий, мир русской помещичьей усадьбы, любовные отношения дворянина и представительницы простого народа и т. д.), проявляющихся уже в самом тексте рассказа посредством цитат, отсылок, аллюзий, отзвуков. Это порождает предпосылки обязательной подключенности читателя к широкому спектру фактов мировой культуры. В результате только выявление внутритекстовых и межтекстовых соотношений оппозиции «грамматика/любовь» позволяет читателю постичь всю смысловую глубину заглавия: грамматика любви – не просто свод правил, а подлинно высокая наука «любить и быть любимым».

Осмысление содержания рассказа Бунина в контексте заявленной в названии оппозиции «грамматика/любовь» позволяет выявить один из типов интертекстуальности – паратекстуальность, определяющей отношение текста к своему заглавию. Результатом этого осмысления оказывается формирование в тексте новой оппозиции: «грамматика любви (свод правил о любви)/книжечка «Грамматика любви» Демольера и далее – «Грамматика любви» Демольера/история любви Хвоцинского к Лушке.

Следующим этапом в исследовании интертекстуальных связей в рассказе И.Бунина «Грамматика любви» оказывается содержание произведения И. Демольера. Возникает вопрос, чем оно привлекло Бунина? С какой целью именно это руководство он избирает в качестве основного кредо утверждаемой им концепции любви?

Содержание книги И. Демольера позволяет выгодно отличить ее в ряду многочисленных гривуазных руководств по искусству обольщения галантной эпохи мадам де Помпадур, Казановы, Ретифа де ля Бретонна, Тилли и других сторонников рафинированной чувственности XVIII столетия. В противовес им во всех разделах «Грамматики любви, или искусства любить и быть взаимно любимым» представлены яркие образцы мироощущения эпохи сентиментализма с его чувствительными сентенциями, утонченностью переживаний и чистотой помыслов, пусть несколько экзальтированной, но лишенной той доли фривольности, которая столь характерна для французской эротической литературы XVIII века.

Доказательством тому служит даже простое перечисление названий разделов и глав книги И.Демольера: «Книжка первая об искусстве нравиться» и входящие в нее «Отделение первое. Глава I. О красоте, Глава II. О наряде; Отделение второе. Глава I. О сердце, Глава II. Об уме, Глава III. Об обращении. «Книжка вторая о любви» – с соответствующими названиями глав: О выборе, О знаках, О поверенных, О поступках, О нападении и защищении и т.д. «Книжка третья о супружестве», «Афоризмы», «О языке цветов», «Мысли и правила», (8, 67-182) – все это свидетельствует о наивно-чистом, трогательно-сентиментальном и благородном отношении автора к освещаемому им предмету. Да и перечисление имен, к авторитету которых обращается двадцатисемилетний начинающий писатель, – Ж.-Ж.Руссо, Элоизы, девицы Скюдери, госпожи Севинье, Жермены де Сталь, мадам Жанлис, – позволяет судить о характере и содержании нравственных устоев и правил, на которые опирается в своем произведении И. Демольер.

Можно с полным правом утверждать, что не случайность, о которой говорит И.Бунин в очерке «Происхождение моих рассказов», а осозанный отбор, ориентированный на нравственное содержание книги французского писателя, является причиной, по которой она и стала одним из «главных героев» (3) рассказа «Грамматика любви».

Первое упоминание о книге И. Демольера встречается при описании библиотеки Хвоцинского, полностью поместившейся в двух книжных «шкапчиках из карельской березы». Среди «престранных книг», составлявших библиотеку, отдельно от них на средней полке «лежала одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенник...» (9, 215) и далее: «Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лет тому назад «Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимым» (9, 215).

Исследование типов конструкции «текст в тексте» на материале рассказа Бунина продолжается определением функции цитаты, понимаемой как «заимствование не только (и не столько) непосредственно текстового фрагмента, но главным образом функционально-образного кода, репрезентирующего стоящий за ним образ мышления либо традицию» (2, 335). В данном случае название книги И. Демольера включает в себе семантику памяти поэтического слова, раскрывая имплицитные отношения «заглавие – текст», являя собой конкретную конфигурацию различных смысловых потоков, представленных как «переплетение многочисленных кодов, одновременно перепутанных и незавершенных» (10, 83).

Характеризуя содержание книги: «Она вся делилась на маленькие главы: «О красоте, о сердце, об уме, о знаках любовных, о нападении и защищении, о размолвке и примирении, о любви платонической...», – писатель выбирает те положения, которые позволяют ему акцентировать внимание читателя на «коротеньких, очень изящных сентенциях», отражающих бунинскую концепцию любви. Об этом свидетельствует изменение последовательности приводимых в рассказе фрагментов «Грамматики любви» Демольера: «Любовь не есть простая эпизода в нашей жизни, – читал Ивлев. – Разум наш противоречит сердцу и не убеждает оно... – Женщину мы обожаем за то, что она владычествует над нашей мечтой идеальной... – Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежит женщине милой. Сия-то делается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадим о ней отчет сами себе, сердце наше делается невольником любви навеки...» (9, 216). Логика выстраиваемых сентенций определяет систему ценностных ориентаций, согласно которой у Бунина на первом месте оказывается любовь, на втором – разум, девальвируемый чувством, идеальная мечта, персонифицированная в образе «женщины милой». Избирательное использование фрагментов текста, выполняя функцию представления претекста в контексте бунинского рассказа, объясняется не только трансформацией жанрового характера: художественная проза – дидактическая проза, но, прежде всего, связано с установкой на актуализацию в восприятии смыслов интерпретируемого текста.

Стратегия межтекстуальных связей позволяет писателю утвердить в сознании читателя свое собственное представление о любви – чувстве космического масштаба: Хвоцинский после смерти любимой «...лушкиному влиянию приписывал буквально все, что совершалось в мире: гроза заходит – это Лушка насылает грозу, объявлена война – значит, так Лушка решила, неурожай случился – не угодили мужики Лушке» (9, 211). Наделив Лушку такими сверхъестественными способностями, заставив Хвоцинского испытывать к ней безграничное чувство даже после смерти, писатель возвышает их отношения до уровня бессмертных историй великой любви, подобно Данте и Беатриче, Паоло и Франческе, Петрарке и Лауре, любовь которых оказывается сильнее смерти и определяется как сила, «что движет солнце и светила».

В результате исследования функций интертекстуальности в рассказе Бунина «Грамматика любви» можно сделать вывод о том, что ее эффективность проявляется при нарушении линейной логики повествования, в результате чего только выход в другой текст позволяет разрешить аномалии дискурса.

Благодаря этому в тексте рассказа Бунина фрагменты претекста, вступая в закономерные и случайные межтекстовые взаимодействия, приобретают тот статус многозначности, «который лишает текст окончательности, законченности смысловых интерпретаций и делает его «открытым» (11, 8), предельно углубляет и расширяет пространство самого художественного текста.

1. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992.
2. Можейко М.А. Интертекстуальность // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
3. Блюм А.В. В поисках грамматики любви. – Омск, 2000.
4. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1965-1967. – Т.9.
5. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2007.
6. Genette G. Palimpsestes: La litterature au second degre. – P., 1982.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М., 1981. – Т.1.
8. Демольер И.Ж. Грамматика любви или искусство любить и быть взаимно любимым // Грамматика любви. – Омск, 2000.
9. Бунин И. Собр. соч.: В 5 т. – М., 1956. – Т.3.
10. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
11. Топоров В.Н. Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: блоковский текст Ахматовой) // Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. – Berkeley, Berkeley Slavic

Specialities. – 1981. – Vol. 5.